

АРИАДНА ШАФРАН

ДОЖДЬ ПО ЗАЯВЛЕНИЮ

Ариадна Шафран
Дождь по заявлению

«Автор»

2026

Шафран А.

Дождь по заявлению / А. Шафран — «Автор», 2026

В Ларене солнце заказывают к свадьбам и ярмаркам. Дождь тоже кому-то достаётся — только этих людей на праздник не зовут. Вера Ланская приехала сюда начать новую жизнь. Но спокойная работа в погодной службе заканчивается на первой квитанции: в графе «плательщик дождём» указан необитаемый Пустой Лог. Коллеги советуют просто поставить подпись. Инженер с несносным характером предлагает сначала съездить и посмотреть. Вера выбирает поездку.

© Шафран А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой платёж	5
Глава 2. Заказать ясное	11
Глава 3. Подпись до ярмарки	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ариадна Шафран

Дождь по заявлению

Глава 1. Чужой платёж

Объявление у въезда в Ларен обещало сухой вторник.

Кто-то заботливо прикрыл его стеклом, хотя стекло требовалось скорее от людей: объявления о погоде здесь явно вызывали споры. Под официальными часами ясного неба мелом было приписано: «А ветер опять куда?» Ещё ниже другим почерком отвечали: «Куда оплатили».

Вера Ланская прочла обе надписи, пока дилижанс ждал, чтобы грузчик убрал с дороги бочку. За утро она уже успела промочить край юбки на придорожной переправе, и обещание сухого дня показалось ей чрезмерно самоуверенным. Впрочем, над городом действительно светило солнце. За поворотом открылась бухта, блестящая между крышами; паруса в порту висели почти неподвижно. От моря пахло солью, мокрыми канатами и чем-то печёным.

— Госпожа, вы выходите или едете дальше? — спросил кучер.

— Я пока решаю, верить ли вашему расписанию.

— Моему не верьте. Городскому — можете попробовать.

Он спрыгнул с козел, открыл задний короб и вытащил сначала чью-то корзину с курами, потом тяжёлую дорожную сумку Веры. Куры выразили недовольство значительно убедительнее хозяйки. Вера заплатила за багаж и потянулась за кожаной папкой, которую всю дорогу держала на коленях: письмо о назначении, рекомендательная бумага, две копии трудового договора. Бумаги остались сухими. Уже неплохо.

На маленькой площади у заставы разгружали муку. Четыре мешка лежали у лавки краильщика, ещё два — под навесом башмачника. Подмастерье с лицом человека, которому приказали устранить чужую ошибку, безуспешно доказывал двум грузчикам, что мука вообще должна была уехать на улицу Пекарей. Вера хотела пройти мимо. У неё был свободный день, новая должность и твёрдое намерение больше никогда не вмешиваться в незнакомые накладные.

— На мешках разные метки, — сказала она через минуту.

Все трое обернулись.

Вера вздохнула. Намерение продержалось недолго.

— Здесь три партии. Круглое клеймо — для пекарни. Две полосы — для портового склада. Эти два мешка ваши, — указала она башмачнику. — Возможно, с ними делают клей, но за качество клея не поручусь.

Подмастерье вытащил из-за пояса сложенную накладную, грузчики заинтересовались метками, а Вера, не прикасаясь к мешкам, помогла переставить записи в понятный порядок. Выяснилось, что виноват не возчик, а писарь, который поставил одну печать поверх другой. Через четверть часа половина площади перестала спорить, а Вера получила приглашение на бесплатную булку.

— Не надо, — отказалась она. — Лучше скажите, где дом Эды Мель.

— Так это её мука! — радостно сообщил подмастерье. — Вон та, с круглой печатью.

Ларен оказался городом, в котором было трудно начать жизнь незаметно.

Улица Пекарей поднималась от порта мимо домов с тёплыми штукатурными стенами. На подоконниках сушились травы, над дверями висели вывески с кувшинами, ножницами, якорями. Вера нашла пекарню по очереди у открытого окна и по запаху хлеба с розмарином.

У входа стояла невысокая женщина в сером платье и спорила с мальчиком, который держал деревянный поднос.

— Если несёшь пироги к мастеру часов, не останавливайся у собачьего двора. В прошлый раз у часовщика было три пирога, а у собак четыре.

— Я тогда нёс семь, хозяйка.

— Вот именно. Мне нужно, чтобы ты донёс все семь адресату.

Женщина повернулась к Вере, окинула взглядом дорожную сумку и спросила:

— Ланская?

— Да. Эда Мель?

— Только не говорите, что вам сказали про бесплатную булку. Мои грузчики сегодня уже всем задолжали.

Вера протянула письмо о найме комнаты. Эда прочла его быстро. Они прошли через пекарню и спустились по деревянной лестнице во внутренний двор. Здесь было прохладнее. Под навесом стояли корзины для теста, на верёвке сушились полотенца, в ящике с землёй росла мята. Узкая лестница поднималась к отдельной комнате с дверью на маленькую террасу. Вера остановилась на пороге.

Комната была небольшой и не особенно нарядной: кровать с крепкой спинкой, стол у окна, шкаф, белёные стены. Зато на террасе помещались два стула и полка для цветочных горшков, а через крышу соседнего дома виднелась полоска моря. За стеной негромко стучала пекарская лопата.

— Воду носим со двора, — предупредила Эда. — Утром можете завтракать внизу, если не заставите меня ждать, пока остынет каша. Сторонних гостей после закрытия пекарни не приводить. Пожары, азартные игры и опытные заклинания не приветствуются.

— Заклинания — в последнюю очередь, — сказала Вера.

— Все так говорят.

Вера поставила сумку у кровати. Последние месяцы её комнаты менялись чаще, чем она успевала привыкнуть к расположению мебели. Здесь ей впервые захотелось расставить вещи сразу, а не хранить всё застёгнутым на случай скорого отъезда.

Эда заметила папку с печатями.

— Значит, вы новая распорядительница?

— Погодных заявок. Надеюсь, работа скучная.

— В нашем городе за скучной работой лучше идти сторожить маяк. И то, если море позволит.

— Мне рассказывали, что у вас всё расписано: солнце, дождь, ветер.

— Расписано у нас очень многое. Выполняется поменьше. Позавчера торговцы заказали тихий полдень, потому что им нужны были хорошие портовые торги. Моя сестра сушила простыни и прокляла всех торговцев до пятого колена.

— Простыни не сохнут без ветра?

— Сохнут. Но не к ужину. Для сестры это принципиальная разница.

Вера улыбнулась. Потом, прежде чем успела передумать, отсчитала плату за две недели. Эда взяла деньги без жалостливых оговорок, выдала ключ и предупредила, что дверной крюк нужно приподнимать: осела петля.

— После обеда у меня будут рыбные пироги. Вы на службе до вечера?

— Я собиралась явиться завтра.

— А в письме у вас сегодня, — заметила Эда.

Вера раскрыла папку. Действительно: «Приём документов и вступление в должность — во вторник, не позднее пятого часа». Завтрашняя дата относилась к началу оплаты. В прежней работе она бы заметила эту разницу сразу. Теперь почему-то прочла только то, что хотела увидеть.

— До башни далеко?

— Четверть часа пешком. Если не помогать каждому, кто перепутал муку.

Вера повернулась к хозяйке.

— Уже знаете?

— Это моя мука. Как же мне не знать?

Когда Эда ушла, Вера некоторое время стояла на террасе, прислушиваясь к звукам двора. Снизу окликнули мальчика с пирогами. У соседей хлопнула ставня. В море тянулся длинный солнечный след. За таким видом человек мог забыть о том, что в другом городе до сих пор лежали неоплаченные претензии, а его имя было знакомо людям, которых он никогда не видел.

У террасы была одна неприятная особенность: дверь плотно закрывалась, только если ударить плечом. Вера дважды попробовала поднять крюк, как советовала хозяйка, и обнаружила, что для работы ему не хватало толщины деревянной планки. В её сумке нашёлся кусочек плотного картона, оставшийся от упаковки чернильного прибора. Она сложила его вдвое, подложила под крепление и проверила дверь. Та затворилась сразу, без грохота.

Вера поймала себя на удовлетворении, совершенно несоразмерном проделанной работе. За прежние полтора года она успела разработать десятки сложных маршрутов и ни разу не знала наверняка, помогла ли кому-нибудь. Здесь можно было исправить маленькую вещь и сразу услышать, как она перестала стучать.

Снизу во двор вышла Эда с тазом чистых полотенец. Вера окликнула её, сообщила о крюке и призналась, что использовала собственный картон вместо деревяшки.

— Долго не продержится, — заметила хозяйка. — Завтра дам вам клинышек.

— Я могу сама поставить, если у вас есть молоток.

— У меня есть молоток. У меня также есть крыша, две печи, три ученика, восемь должников и муж сестры, который каждый месяц обещает починить водосток. Вы сразу договаривайтесь, что берётесь чинить, а что нет, иначе Ларен вам быстро понравится больше, чем нужно.

Вера обещала ограничиться своей дверью. Эда не поверила, но добавила к подоконнику горшок с маленьким кустом тимьяна.

— Перенесла с кухни. Там ему тесно. Не заливайте, ему много не надо.

Это было первое, что в новом городе доверили Вере без бумаги и печати. Она спросила, где брать воду, и Эда показала на бочку у лестницы. На крышке бочки мелом стояли две цифры. Вера удивилась, что здесь ведут учёт даже дождя.

— Я записываю не дождь, а сколько осталось воды, — ответила Эда. — Разница иногда существенная.

Вера выложила на стол три рубашки, книги для записей и старую складную линейку.

Она повертела линейку в руках и убрала в ящик. Начинать заново лучше с вещей, от которых есть польза. Сувениры прежней службы подождут.

Погодная башня стояла за рыночной площадью. Каменное круглое основание выглядело старше окружающих домов; выше шёл узкий ярус с большими окнами и медными лентами, натянутыми от шпиля к неподвижным кронштейнам. На крыльце висела доска с прогнозом на три дня. Там не было привычных неопровержимых обещаний. Напротив среды значилось: «Ожидается фронт с моря, решение о переносе до девятого часа утра». Ниже кто-то прицепил листок: «Пожалуйста, не переносите в праздник рыбака».

До башни Вера дошла через площадь, где покупатели стояли не только у обычных прилавков, но и у небольшого окошка при городском правлении. Над окошком висела табличка «Приём погодных возражений». Женщина с младенцем пыталась выяснить, почему в прошлую субботу ей не сообщили об изменении ветра, хотя на ярмарке успели предупредить всех торговцев тканями. Служащий терпеливо объяснял, что уведомления вывешиваются в полдень и читаются всеми заинтересованными лицами.

— Я в полдень работаю, — сказала женщина. — И в остальные часы, когда вы советуете приходить и читать, тоже.

Служащий предложил ей оставить письменную претензию. За претензию полагалась небольшая плата: её объяснили стоимостью переписки и печати. Вера не вмешалась — чужая контора, чужие правила, она ещё не знала, какой у неё доступ к процедурам. Но запомнила адрес окошка. Если погодные решения затрагивали весь город, слушать только тех, кто мог прийти за справкой в рабочее время, было плохим способом собирать сведения.

У противоположной стены площади штукатурка оставалась темнее, чем на остальных домах. На уровне колен шёл неровный старый след воды. Рядом новый белый камень отмечал прошлогоднюю высоту паводка. Вера задержалась, сравнивая отметки. Объявления обещали ясные часы для торговли, но море и дождь явно не спрашивали у торговли разрешения, прежде чем входить в город.

Внутри пахло воском, влажной известью и горячим металлом. Контора занимала одну из нижних комнат. На стене висела карта с разноцветными нитями между четырьмя башнями; под ней — шкаф с узкими ящиками. За высоким столом сидел юноша в застёгнутом до горла жилете и переписывал цифры с металлической пластинки на лист бумаги. Он встал так поспешно, что уронил держатель для пера.

— Госпожа Ланская? Ян Бранд, лицензированный смотритель третьего класса. Вас ждали к четвёртому часу.

— Сейчас половина четвёртого.

— Поэтому всё в порядке. Неожиданно в порядке.

Вера сняла перчатки.

— Покажите, с чем мне предстоит работать.

Ян предъявил список принятых заявлений, книгу прогнозов, ведомость платы и правила аварийного закрытия направляющих. Объяснял он с той осторожностью, с какой обычно показывают гостю полку с дорогой посудой. Вера быстро выяснила главное. Башни не создают ясных дней. При подходящем ветре они способны сдвинуть уже идущий с моря дождевой фронт в соседний коридор. В городе после этого светит солнце, а на другом участке выпадает дождь. Без фронта заказывать нечего, даже если клиент способен заплатить вдвое.

На соседнем столе лежали десятки разноцветных бумажек, скреплённых по дням недели. Вера спросила, почему часть заявок свернули красными углами. Ян показал на примечания. Одна была оформлена после допустимого срока, другая требовала ветра, которого прогноз вообще не обещал. Третья просила ясную погоду на день, когда тучи уже должны были пройти сами собой.

— За третью тоже взяли деньги? — спросила Вера.

— Нет. Мы не имеем права продавать то, что случится без вмешательства башни. Впрочем, заявитель обиделся. Счёл, что мы специально предсказали хорошую погоду, чтобы не выполнять его заказ.

— Можно отменить заказ по желанию клиента?

— За двенадцать часов. Позднее уже сообщают принимающей башне и проверяют готовность направляющих. Из-за отмены может сорваться другое распределение.

Вера перевернула бумажки и стала раскладывать их не по цвету, а по часам. Несколько заявителей просили одно и то же окно, хотя Ян записал их в разные папки. Он сказал, что раньше так и хранили, потому что чаще всего заявки не конфликтовали. Вера не стала менять принятую систему в первый час знакомства. Только попросила чистый лист, провела таблицу из семи столбцов и показала, как можно заранее видеть пересечения.

Ян посмотрел на таблицу с искренним одобрением.

— Так мне придётся реже объяснять людям, почему они опоздали.

— Придётся чаще объяснять, что такое очередь, — возразила Вера. — Полагаю, и это вам не понравится.

— И кто разрешает перенос? — спросила она.

— Распорядитель сверяет заявки с разрешёнными участками и выдаёт поручение. Смотритель проверяет, допускает ли фронт перемещение, и устанавливает направляющие. У меня есть лицензия на переключение. У вас — на выдачу поручений после вступления в должность.

— То есть я не смогу тайком сделать себе солнечный отпуск?

Ян обдумал вопрос.

— Без меня — не сможете. Со мной — это уже не тайком, поскольку будет два свидетеля.

— Отлично. Значит, система защищена хотя бы от моего отдыха.

Он улыбнулся с видимым усилием, но дальше стал отвечать живее. Через полчаса Вера уже разбиралась в устройстве книги не хуже, чем в старых перевозочных накладных. Только вместо отправителя и получателя здесь были территория ясной погоды, принимающий участок и часы переноса. В столбце, озаглавленном от руки «Плательщик дождём», значились холмы, приморские луга, старые рыбные пруды.

Название графы ей не понравилось. Платили обычно тем, что принадлежало тебе; дождь же нельзя было привезти обратно вместе с распиской.

— Почему так называли?

— Прежний распорядитель, господин Нейр, — объяснил Ян. — В строгих бланках пишется «принимающая территория», но работники всё равно говорят проще. Ещё в книге бывают «заёмщики ветра». Я понимаю, что это не вполне верный термин.

— В книгах часто верные термины мешают людям видеть, что они делают. Хотя иногда и помогают.

Она перелистала сегодняшнюю ведомость. Заказ на ясное небо для портового склада был оформлен аккуратно. Ожидался дождевой фронт, имелось заключение о пригодности, стояла подпись смотрителя. В строке принимающего участка значилось: «Пустой Лог». Ниже повторялось то же название в графе, написанной от руки.

— Это далеко?

— Восточные холмы. Там принимающая башня.

Вера подошла к настенной карте. Четыре башни были отмечены кружками, а Пустой Лог — крохотной медной точкой у края. Кружок находился над бурой полосой холмов, где не были указаны ни улицы, ни деревни.

— Там живут люди?

— Насколько мне известно, нет. Старый каменный карьер. По реестру населённых мест — пусто.

— А кто тогда согласовал приём дождя?

Ян нашёл в нижней части ведомости ссылку на разрешение и прочёл номер. Дата стояла шестилетней давности.

— Разрешение территориальное. Его выдало прежнее управление в установленном порядке. Весь перечень действующих согласований утверждён советом.

Вера вспомнила, как на старом месте принимала накладные с безупречными печатями, не замечая, что товар прибудет на неделю позднее обещанного. Некоторым бумагам очень удавалось выглядеть полезнее, чем они были.

— Есть карта, где показано не только расположение башни, но и земли вокруг?

— В картографическом шкафу. Там должно быть два комплекта. Могу приготовить к утру.

— Приготовьте. И книгу прежних переносов, пожалуйста.

Ян склонил голову к журналу и провёл пальцем по строчкам, словно проверял, не пропустила ли она очевидное.

— Вы хотите изучить прошлый год до первой подписи?

— Я хочу знать, куда мы отправляем дождь. Это ведь моя работа?

— Да, — сказал Ян. — Обычно распорядители изучают сумму сбора.

— Давайте начнём с дождя. Сумма подождёт до завтра.

На улице, когда Вера вышла из башни, всё ещё было сухо. Двое мальчишек толкали по мостовой обруч; на соседней лавке выносили под солнце связки мокрых канатов. Ларен с первого взгляда был уютным, налаженным городом. Пекарня, комната с террасой, новая служба, вид на море. Всё, ради чего она согласилась приехать.

В папке у неё лежала копия сегодняшней ведомости. Вера снова развернула её, чтобы проверить одну подробность.

У каждого клиента было имя. У каждого разрешённого участка — номер. Только рядом с названием «Пустой Лог» в графе, где обычно указывали согласившихся жителей, стояла ссылка на давний документ.

Пустого Лога не было в списке поселений. Но за ясное небо Ларена он платил исправно.

Глава 2. Заказать ясное

К вечеру Вера поняла, почему жители Ларена так уверенно спорили о погоде. Они спорили о ней, как в любом другом городе спорят о цене рыбы, сроках ремонта дороги и соседском петухе. Только здесь к разговору можно было приложить бланк.

Она возвращалась от башни по верхней улице, выбирая лавку, где купит свечи, когда возле доски объявлений услышала:

— Ну и что мне делать с молодожёнами? Сказать, что из-за вашей груши их гости будут танцевать в луже?

— Это не груша, а двадцать два молодых дерева, — ответили с другой стороны доски. — И гости ваши переживут. Они пришли на свадьбу, не на соление огурцов.

Вера остановилась. Перед нею стояли две женщины. Одна, в новом синем платье, держала свёрнутый чертёж навеса. Другая — в рабочем фартуке, с землёй под ногтями — сжимала лист прошения, уже успевший помяться в споре. На доске мелом было выведено: «Среда: облачность с моря, решение о маршруте до девяти часов».

— Не помешаю? — спросила Вера.

— Если вы знаете, как уговорить дерево не сохнуть, не мешаете, — ответила женщина в фартуке.

— А если вы знаете, как за один вечер объяснить свекрови дождь в день свадьбы, я тоже слушаю, — сказала женщина в синем.

Вера назвалась. Обе женщины сразу заговорили громче, как люди, которые случайно обнаружили перед собой не собеседника, а учреждение. Пришлось просить их по очереди. Невеста, Милена, собиралась венчаться завтра после полудня. Священник не принимал переносов времени: на эту дату у него было ещё одно венчание. Садовница Рута высадила двадцать два дерева на северном склоне за городской стеной. Последние дни были сухими, листья начали скручиваться. Она просила не отклонять завтрашний дождевой фронт.

— Два заявления на один и тот же дождь, — подытожила Вера.

— Моё уже оплачено, — сказала Милена.

— Моё не надо оплачивать, — возразила Рута. — Мне дождь и так принадлежит, если вы его не уведёте.

Вера не нашла мгновенного ответа. На прежней работе она привыкла считать маршруты товаром, на который можно установить очередь. Здесь же одна клиентка просила услугу, а другая — чтобы ей не мешали получить то, что пришло бы само.

— Дайте обе бумаги.

Пока она читала заявления, женщины наблюдали за ней с одинаковой надеждой на то, что чужой человек сумеет за пять минут отменить их разногласия. Милена хотела три часа без осадков. Рута — чтобы дождь прошёл над посадками, хотя бы недолго. Завтрашний фронт по прогнозу должен был войти со стороны моря ближе к полудню. Если его отведут к восточным холмам, солнце будет над церковной площадью и над северным склоном тоже.

— А деревья можно полить из колодца? — спросила Вера.

— Можно. Триста вёдер, если хотите знать точно. Садовник мой уехал, работник слёг. У меня рук двое, и обе уже завтра должны чинить изгородь.

— Триста вёдер — вы преувеличиваете, — сказала Милена.

— Тогда приходите в своём синем платье, проверите.

Вера спросила, есть ли у Руты водовозный резервуар или бочки и сколько раз нужно подвозить воду. Садовница сперва подозрительно оглядела её. Потом стала отвечать коротко и точно: бочки есть, воды в нижнем колодце достаточно, нужна телега с парой крепких людей до завтрашнего полудня. Вера записала это на чистой стороне прошения.

— Подождите. Я не предлагаю купить вам новый сад за счёт свадьбы, — уточнила она, заметив взгляд Милены. — Я предлагаю оплатить доставку воды вместо дождя. Если вам нужна именно услуга на завтра, можно попробовать договориться сейчас. Если Рута согласна. И если водовоз согласен.

— А погодная служба платит?

— Нет. Служба даже телегой не владеет. Это частный договор между вами. Я могу помочь записать условия, но не назначить цену.

Милена нахмурилась, прижала к груди чертёж навеса, потом спросила, сколько возьмут за такую доставку. Оказалось, что она уже оставила деньги на случай дождя: плотник собирался за ночь пристроить к церковному крыльцу дополнительный крытый проход. Не роскошный, но достаточный, чтобы в платье не идти по грязи. Вера предложила сначала узнать, сколько будет стоить вода, а не обещать больше, чем есть.

Водовоз нашёлся через два дома. Он выслушал задачу, назначил цену, за которую Рута рассмеялась, и немедленно объяснил, что утром сможет сделать два рейса, потому что после обеда занят бочками для таверны. Затем сбавил цену, услышав слово «двадцать два дерева», и предложил взять помощником старшего племянника. К моменту, когда все трое вернулись к доске, Милена уже согласилась оплатить два рейса, Рута — самостоятельно полить дальний ряд, а водовоз получил задаток.

— Если завтра дождя не будет и без службы, я заплачу впустую? — спросила Милена.

— Возможно, — ответила Вера. — Но деревья всё равно получают воду. А у вас будет обычная свадьба, на которую не придётся смотреть с тревогой.

— У вас бывают обычные свадьбы? — спросила Рута.

— На моих глазах ни одной, — призналась Милена. — Но надежду ещё не отняли.

Они подписали простой договор на доставку. Рута забрала своё прошение: она больше не возражала против трёх солнечных часов при условии, что водовоз придёт. Вера предупредила: погодный заказ всё ещё зависит от завтрашнего фронта и решения зрителя. Милена кивнула, но на всякий случай попросила оставить навес. У людей, привыкших заказывать погоду, сохранялось разумное недоверие к свадьбам.

Вера настояла ещё на одной строке: если водовоз не сможет сделать обещанные два рейса, он должен предупредить Руту до рассвета, а задаток вернуть полностью. Мужчина обиделся на недоверие и сказал, что за двадцать лет не сорвал ни одной доставки.

— Тем лучше, значит, строка вам не пригодится, — ответила Вера.

Рута, до этого всё время смотревшая на невесту с вызовом, первой протянула ей руку. Милена пожалала её неловко, стараясь не испачкать рукав. Оказалось, что они росли на соседних улицах, а поссорились ещё весной: садовница обвинила семью жениха в том, что те вырубili старую грушу для подъездной дороги. Семья жениха считала, что дерево всё равно засохло бы. Вера не пыталась разобраться в груше, поскольку на неё никто не подавал официальной заявки. Она лишь внесла в договор условие о проезде водовозной телеги через ту самую дорогу.

— Если опять перекопают подъезд, можете прислать счёт мне, — предложила Милена.

— Пришлю, — сухо пообещала Рута. — Но лучше не надо.

В этой короткой фразе было больше мира, чем в длинных извинениях. Вера оставила обеим копии бумаги и только теперь поняла, что почти весь вечер провела на улице, хотя никакого поручения ей не давали. Но задача действительно сдвинулась с места, а хозяйки спора сами решили, какой исход для них приемлем. Этого ощущения ей давно не хватало.

— Вы очень быстро разобрались, — сказала Рута, когда остальные разошлись.

— Сегодня утром я ещё работала с мешками муки. По сравнению с мешками деревья разговорчивее.

— Мешки хотя бы не вянут, если бухгалтерия решит перекинуть груз.

Вера собралась ответить шуткой, но не успела. Садовница уже направилась к своему склону, подбирая длинную юбку над пылью. В её словах не было упрёка, и всё же знакомое сочетание «перекинуть груз» отозвалось неприятно. Вера видела такие решения сотни раз: кому-то товар доставляли вовремя, кого-то просили потерпеть, а в отчёте всё выглядело удобно и логично.

Из пекарни Эды свет падал на мостовую. Вера зашла купить свечи и обнаружила, что хозяйка уже режет большой пирог пополам.

— Садовницу помирили со свадьбой? — спросила она.

— Договорились о подвозе воды. Если водовоз приедет.

— Приедет, он мне должен за три недели хлеба. Хотите рыбный пирог?

— Если вы не будете за него брать плату с соседней улицы.

— За пирог с рыбой, госпожа Ланская, мы берём деньги с того, кто его ест. Куда мир катится, если даже это надо объяснять новой распорядительнице?

Они ужинали за маленьким столом в пекарне, пока ученики натирали формы и спорили о том, кто завтра поведёт хлебную телегу. Эда рассказывала о летних заказах, о том, как рыбаки однажды попросили попутный ветер, а парусники в порту просили его не трогать; о кузнеце, который трижды менял заявку, пока его жена не принесла в контору семейные часы и не объяснила, что ему нужен не ветер, а дополнительный выходной.

— С погодой всё время что-то хотят сделать, — сказала Эда. — И почти никогда не спрашивают, нужна ли она такой, какая есть.

— Но вам удобно, что на рынке сухо.

— Очень удобно. У меня тесто лучше поднимается, когда мука не отсыревает в лавке. И покупатели охотнее идут за хлебом, когда не надо снимать сапоги у двери. Я не против удобства. Я против, когда мне говорят, будто за него никто не платит.

Вера подняла глаза.

— Вы знаете, кто платит?

— Я знаю, кто платит мне, — сказала Эда. — За остальными лучше к тем, кто книги ведёт.

Ответ был практичный и закрывал разговор. Вера доела пирог, помогла убрать чашки и поднялась к себе. На террасе вечер оказался почти тёплым. Где-то далеко ударил колокол; над бухтой вытянулась полоска низких туч. У Руты на склоне дерева, должно быть, стояли с поникшими листьями, а Милена выбирала, кто из родственников будет держать её шлейф на пути к церкви.

Вера достала копию ведомости. Название «Пустой Лог» повторялось там дважды: в графе территории и в строке старого разрешения. Она положила лист рядом с письмом о назначении и решила утром начать именно с башни. Обеим бумагам требовалась проверка, но одну можно было проверить своими глазами.

Утром Ян встретил её у подножия лестницы в башню с чайником в руках.

У двери уже ждал городской посыльный, мальчишка в непомерно длинной куртке. Он протянул Яну бумагу с печатью совета и повернулся уходить, но смотритель попросил расписаться в книге доставки. Мальчишка закатил глаза, всё же вывел свою фамилию и побежал к площади.

— Совет любит знать, когда мне принесли приказ, — пояснил Ян. — Особенно если приказ опоздал.

Вера посмотрела на чужую бумагу, но не стала брать её из рук смотрителя. Ян сам прочёл вслух: просьба подтвердить, что солнечный заказ для портовой торговли будет исполнен по расписанию.

— Они раньше времени волнуются, — сказала Вера.

— Смотритель обязан проверить не желание совета, а фронт. Если не повернёт ветер, я не стану ставить кольцо. Потом буду объяснять, почему отказался, а не почему мне пришлось чинить сломанный механизм.

Это была вполне понятная профессиональная гордость. Яну было двадцать три, должность у него звучала младше, чем хотелось бы, зато пределы собственной власти он знал лучше многих людей с дорогими печатями.

— Вы рано, — сказал он. — Переключение только в девять.

— Если вы не успели завтракать, сначала чай. Я могу изучить карту внизу.

— Я завтракал. Чайник для направляющих.

Она задержалась у ступени.

Ян заметил её взгляд и с достоинством пояснил:

— В направляющих нет кипятка. Чайник нужен, чтобы разогревать смазку. От холода она густеет. Если вас интересует строгое объяснение, могу показать журнал технического обслуживания.

— Боюсь, тогда я снова опоздаю к работе.

— Вы уже на работе.

Верхняя площадка оказалась теснее, чем можно было предположить снизу. Четыре узких окна смотрели на море, порт, холмы и дорогу к старому маяку. Под сводом висело медное кольцо, разделённое на секторы; за ним находился механический блок с зубчатой передачей и двумя небольшими слотами для пластин. Ян проверил натяжение лент, прогрел смазку и позволил Вере потрогать неподвижный наружный рычаг.

По краям кольца были выгравированы номера четырёх башен. Ян объяснил, что каждое направление допускает лишь несколько соседних коридоров и ни один не простирается дальше примерно двадцати вёрст. Иногда фронт проходит так, что перенести его нельзя вовсе. А если башня примет перенос более чем на шесть часов, в следующем секторе изменится ветер и направляющие потеряют устойчивость.

— Значит, у вас есть список технических запретов? — спросила Вера.

— Конечно. Вот он, на этой стене.

Список занимал две доски. На первой были расстояния, на второй — состояния ветра и влажности. Части слов Вера не поняла, но цифры были достаточно знакомыми, чтобы увидеть: устройство не позволяло выполнить даже половины того, чего порой требовали заказчики.

— Интересно, сколько денег люди заплатили бы, узнав, как много вы не можете, — сказала она.

— По моим наблюдениям, они платят не за возможности башни, а за уверенность, что завтра всё будет по плану. Уверенность у нас самый дорогой товар.

У окна висели две полоски ткани, на одной были метки высоты облаков, на другой — наблюдения за видимостью. Ян велел Вере подержать первую полоску, пока закреплял её на штыре, и та поймала себя на неожиданном волнении. В прежней жизни она не прикасалась к тому, что перемещала по картам. Зерно, уголь, соль, семена — всё существовало в ведомостях до тех пор, пока заказчик не начинал жаловаться. Здесь было небо, которое никто не мог сложить в мешок. И всё же человек в рабочем жилете, щурясь на горизонт, пытался честно определить предел своих полномочий.

— Это направление? — спросила она.

— Направление задаётся секторами. Смотритель устанавливает допустимую пару коридоров, потом закрепляет рычаги. Башни удерживают угол потока, но не толкают облака силой. Если ветер переменится, перенос не сработает или завершится раньше.

— И вы пишете это в ведомости?

— Пишу фактическое время, не обещанное. Вчера, например, заказали четыре часа, получили три часа и сорок минут. Остаток платы вернули.

— Надеюсь, жаловались не на вас.

— На меня тоже. А ещё на ветер. Но жалобу ветру я передать не смог.

На западе показалась низкая тёмная кромка. До города она шла медленно, почти без движения, зато чайки уже меняли направление у причалов. Ян дождался, пока флюгер у второго окна отклонится к красной риску, проверил часы и закрепил крайнее кольцо. Вера ожидала вспышки или громкого звона. Ничего такого не случилось. Ленты вдоль шпиля тихо загудели, как струны в прохладном помещении, на поверхности кольца проступил тонкий светлый след. Внизу поднялась лёгкая пыль — ветер повернул к востоку.

Прошло несколько минут. Над портом тёмная полоса начала смещаться к холмам. Крыши остались в солнечных пятнах; тучи не исчезли, а просто шли теперь в другом направлении.

— Пустой Лог? — спросила Вера.

— Сегодня да.

— Он всегда принимает?

— Не всегда. Только когда подходит фронт и разрешён перенос.

Ян положил медную пластину в слот. Механизм оставил на ней первые зарубки: дату, башню отправления, принимающий коридор и время начала. След продолжал тянуться вдоль шкалы; фактическую длительность можно будет прочесть после закрытия переноса. Вера провела пальцем рядом с краем, не касаясь свежего следа.

— А второй оттиск?

— Остаётся у принимающей башни. Смотритель в холмах делает свою пластину, когда фронт проходит его линию. Раз в несколько дней их копии поступают сюда для сверки. Если цифры не сойдутся, будет разбирательство.

— А если дождь потом сойдёт по склону к чьему-то дому?

Ян убрал пластину в рамку для хранения.

— Оттиск этого не показывает. Он показывает маршрут облаков.

— А кто показывает, где после дождя окажется вода?

— Для этого при согласовании территории прилагается карта водосбора. Так написано в правилах. У нас карта есть в архиве совета.

— Я бы хотела её увидеть.

Ян уже спускался к лестнице, но вернулся к боковому шкафу и достал узкую папку. В ней хранились копии прошлых оттисков, пришедшие с холмов. Некоторые пластинки были потемневшими, однако метки читались отчётливо. Вера сравнила одну с соответствующей записью в журнале. Часы совпадали, направления тоже.

— Давайте ещё одну. И ещё.

— Госпожа Ланская, перед вами двадцать шесть листов. Мы опоздаем к открытию конторы.

— Две хватит. Остальные я изучу после заседания.

— Какого заседания?

Вера показала приглашение из городской канцелярии, полученное утром вместе с хлебом. В нём от новой распорядительницы требовали явиться в совет для «первичного знакомства и согласования порядка подтверждения безопасных маршрутов».

Ян прочёл письмо и убрал его в папку аккуратнее, чем Вера сама.

— Председатель обычно не ждёт первого месяца, — заметил он.

— Чтобы познакомиться?

— Чтобы получить подпись.

Через открытое окно донёсся городской звон. Чёрная кромка туч уже легла на восточные склоны; над бухтой солнце делало порт приветливым, почти праздничным. На медной пластинке лежал свежий рельефный след переноса — вполне настоящий, измеримый, с двумя свидетелями по обе стороны холмов.

Вера решила, что теперь хочет увидеть третьего свидетеля. Не человека. Землю, на которую всё это выпадало.

Глава 3. Подпись до ярмарки

Из башни Вера отправилась прямо в городской совет. По дороге она выяснила две вещи: в Ларене пекли превосходные сладкие лепёшки с солью, а человек, идущий с чернильной папкой, непременно вызывает у прохожих вопросы о погоде.

— Вы завтра дадите мне ветер? — окликнул её пожилой рыбак возле причала.

— Если успею узнать, кому вы его собираетесь отдать.

— Никому. Мне нужен для паруса.

— Тогда подайте заявку. Только сразу скажите, в какую сторону вы хотите уплыть.

Рыбак задумался с такой серьёзностью, что Вера успела пройти пол-улицы, прежде чем он крикнул:

— Вернуться тоже хотел бы!

Городской совет размещался в двухэтажном доме на краю ярмарочной площади. Первый этаж занимали приёмные с деревянными лавками для посетителей, наверху находился длинный зал с окнами на море. Вдоль одной стены уже складывали доски для ярмарочных навесов. С улицы слышались удары молотков, скрип телег и голоса торговцев, спорящих о ширине проходов. Вера невольно задержалась, прислушиваясь к порядку разгрузки: если две телеги с солью въедут одновременно, они запрут выезд рыбному возу. Она остановила себя прежде, чем снова начала распорядиться чужим транспортом.

Секретарь провёл её не в большой зал, а в комнату совещаний. Там за столом сидели три человека. Эда Мель, уже без пекарского фартука, помахала ей рукой. Рядом расположился сухошавый мужчина с седыми усами и тщательно подстриженной бородкой. Перед ним лежал мешочек с монетами; он рассыпал их по столу в несколько ровных кучек. Во главе сидела женщина в тёмно-синем платье с узкой серебряной пряжкой. На ней не было ни украшений, ни знаков должности, но это была единственная особа в комнате, рядом с которой хотелось прежде проверить свои расчёты.

— Вера Ланская, — представилась она.

— Марет Вольн. Председатель городского торгового совета. Присаживайтесь. Надеюсь, дорога не слишком утомила вас.

— Дорога была лучше, чем обещал кучер. По нынешним временам редкость.

Марет чуть улыбнулась и представила господина Тавера Бруса, ведавшего интересами ссудных касс. Тот в знак приветствия сдвинул в сторону монеты.

— Вы, должно быть, уже успели познакомиться с нашей ремесленной представительницей, — добавила Марет.

— Она сдаёт мне комнату.

— И кормит её, — сообщила Эда. — К сожалению, управляющие цифрами не всегда понимают, что от сухого теста нельзя ждать хорошего хлеба.

— Вы вчера говорили прямо противоположное, — заметила Вера.

— Я вчера говорила о мокрой муке. Это разные бедствия. Ваша должность как раз и существует, чтобы их различать.

В комнате стало немного свободнее. Тавер убрал монеты в мешочек, Марет открыла папку. Вера увидела знакомый рисунок четырёх погодных башен и несколько таблиц с аккуратной переплётной нитью. Бумаги были подготовлены заранее, а внизу последней страницы оставлено место для подписи.

— Через три с небольшим недели заканчивается действующий период распределения осадков, — начала Марет. — Затем вступает в силу годовое соглашение. Главная ярмарка начинается раньше, поэтому нам необходимо заблаговременно представить торговцам утвер-

ждённый прогноз и подтверждение безопасности принимающих участков. Вы будете отвечать за учёт заявок. Я хочу, чтобы мы сразу одинаково понимали объём вашей работы.

— Учёт заявок и техническое подтверждение безопасности — разные задачи, — сказала Вера.

— Разумеется. Технические расчёты делает служба. Распорядитель заверяет, что действующие согласования учтены и приложения актуальны. Ничего сверх обычных обязанностей.

Марет подвинула ей верхний лист. В нём перечислялись территории, на которые разрешалось отводить дождевые фронты. У каждой строки имелись номер соглашения, срок действия и отметка о пригодности. Пустой Лог стоял первым. Рядом было написано: «Действует по основному разрешению».

— Этот участок я вчера видела в ведомости, — сказала Вера. — Покажете его карту водосбора?

— Карта входит в приложения.

— Тогда можно начать с неё.

Тавер Брус осторожно поставил мешочек с монетами на край стола.

— Госпожа Ланская, я, вероятно, не вполне понимаю предмет разногласия. Ваша предшествующая служба рекомендована как исключительно исполнительная. Зачем новая проверка, если предыдущие годы система работала?

Вера помнила такие разговоры. Когда заказчик произносил «предыдущие годы всё работало», почти всегда выяснялось, что за эти годы никто не открывал дальний шкаф с просроченными накладными. В прежнем городе ей однажды понадобилось три месяца, чтобы доказать, что часть поставок потерялась не на дороге, а между двумя столами. Потом она сама научилась оставлять неприятные вопросы на потом. Так было проще держать сроки.

— Чтобы знать, что я заверяю, — ответила она. — Я принимаю работу только второй день. Если приложения действующие, проверка много времени не займёт.

— Вы можете довериться службе, — произнесла Марет.

— Я ей и доверилась. Ян показал мне механизм и журналы. Теперь хочу увидеть приложение, на которое ссылается журнал.

Председатель поддержала взгляд на Вере чуть дольше, чем требовалось для деловой беседы, затем взяла другой лист.

— Конечно. Вы вправе знакомиться с документацией. Но прошу учесть, что в ярмарке участвуют не одни купцы. Порт нанимает грузчиков, швейные артели делают навесы, пекари готовят хлеб для приезжих. Один отменённый день ясной погоды лишает заработка людей, которые вовсе не богаты.

— Никто не предлагает ничего отменять, — сказала Вера.

— Тем лучше. Я только объясняю, почему мы бережно относимся к срокам.

Эда, до этого молчавшая, пододвинула к себе другую папку.

— А почему мне дали смету на три сотни новых прилавков? — спросила она. — Половина старых ещё цела. Если мы так бережно относимся к срокам, можно относиться бережно и к доскам.

Тавер оживился. Оказалось, что ремесленная часть заседания будет не короче погодной. Сметы перекладывали с места на место, Марет называла подрядчиков, Эда требовала вернуть в расчёт ремонт существующих навесов, а Тавер интересовался, кто оплатит простой плотников. Вера слушала и постепенно понимала, что солнечные дни здесь — не каприз избалованных горожан. Часть доходов Ларена действительно зависела от торговли под открытым небом. Слишком много семей давно строили свои планы, исходя из уверенности, что к нужному часу дождь можно отвести в сторону.

Это делало её вопрос о карте не менее важным. Скорее наоборот.

Когда смету отложили, Марет вновь вернулась к папке погодной службы.

— Я оставляю вам заверительный лист для ознакомления. Если до конца следующей недели вы подтвердите, что все приложения на месте, мы успеем предупредить торговцев о любых изменениях. Само годовое продление предстоит позднее.

— Я могу подтвердить наличие документов. Их безопасность мне ещё надо проверить по установленной процедуре, — уточнила Вера.

— Разумеется. Формулировку можно обсудить с секретарём.

— Не нужно. Пока я не ставлю подпись ни под каким заключением, кроме описи полученных бумаг.

Марет медленно закрыла папку. Голос у неё оставался доброжелательным.

— Для человека, который ищет новую работу, вы предусмотрительны.

— Именно поэтому и ищу.

Тавер кашлянул в кулак. Эда, не пытаясь скрыть улыбку, развернула лист о прилавках. Марет больше не настаивала. Она дала секретарю распоряжение подготовить для Веры копии действующих разрешений и пригласила её на следующей неделе доложить о порядке учёта.

Уже выходя, Вера заметила в разложенном на краю стола уставе строку, выделенную цветной закладкой. Она спросила разрешения прочитать её, потому что в заголовке упоминались погодные башни.

— Раздел об аварийных полномочиях, — ответила Марет. — Написан после большого паводка. В повседневной работе не применяется.

Вера прочла текст полностью. Если действующий маршрут создавал угрозу жилым землям, большинство городского совета могло приостановить его, а лицензированный смотритель — исполнить решение без обычного распоряжения председателя. Большинство здесь означало три голоса из пяти. Никакой чрезвычайной власти у новой распорядительницы не возникало. Устав лишь напоминал, что у города когда-то уже были причины предусмотреть такую возможность.

Она запомнила номер параграфа и вернула лист.

В большой зале за открытой дверью уже собрались представители торговых рядов. Один пожилой мужчина указывал на план ярмарки палкой и жаловался, что в прошлом году женщины из полотняной артели поставили шатёр ровно перед входом к его складу. Женщины отвечали, что он не смог вывезти свои бочки даже тогда, когда шатра не было. Эда на ходу назвала фамилии обеих сторон, как люди называют давно выученные дорожные повороты.

— Это каждый год? — спросила Вера.

— Каждый. Если бы вдруг перестали спорить, пришлось бы срочно проверять, не началась ли новая беда.

Вера подумала, что управлять таким городом труднее, чем большим перегрузочным узлом. В узле вагоны не хранили семейных обид, а грузчики, как правило, не вспоминали старую грушу при обсуждении проезда. Здесь же каждое решение проходило через человеческие отношения, гораздо долговечнее любой накладной. Председатель, похоже, умела этим пользоваться. Она говорила о рабочих местах достаточно уверенно, чтобы слушатели забывали о том, что одна проблема могла иметь несколько сторон.

На крыльце Эда догнала её с завязанным узлом платком. В платке лежали две лепёшки с сыром.

— Это не подарок от совета, — предупредила она. — Просто я знаю, сколько времени занимает чтение наших приложений. Если не поедите сейчас, к вечеру станете злее меня.

— А вы всегда приходите на заседания с завтраком для других?

— Только когда смотрю, как председатель делает вид, будто у нас достаточно времени на разумные решения.

Вера разломила лепёшку. Сыр пах тмином, корочка приятно хрустела. В городе, где можно было купить сухой день, достойный обед по-прежнему доставался тем, кто о нём позаботился.

— Вы правда считаете, что ярмарка так важна? — спросила она.

— Конечно. У меня в эти дни половина годовой выручки от выпечки. Но если госпожа Вольн требует от вас подписи, не прочитав бумаги, значит, бумаги надо прочитать особенно внимательно.

— Она не запретила.

— Нет. Марет редко что-то запрещает, пока человек ещё надеется согласиться сам.

Эда ушла к своей пекарне. Вера направилась обратно к башне и большую часть дороги обдумывала не слова председателя, а портовых рабочих. Если безопасный маршрут действительно существовал, её обязанность заключалась в том, чтобы работать быстро и не мешать людям зарабатывать. Если его не существовало, одна подпись могла надолго скрыть чужую беду. Она знала, что в обоих случаях без проверки можно поступить очень уверенно — и ошибиться.

Дневные заявки отняли больше времени, чем Вера ожидала. К одному окну принесли прошение рыбной артели о попутном ветре для утренних лодок, а почти сразу вслед за ним пришёл портовый смотритель с просьбой не менять направление воздуха у нового погрузочного крана. Потом явился хозяин прачечной и сообщил, что прошлогодний ясный день закончился непрогнозируемым дымом от соседской коптильни, поэтому он требует учитывать не только облачность, но и деятельность ремесленников.

Вера не обещала исполнения ни одному из них. Она сверяла часы и карты, объясняла, какие вопросы служба вправе решать, а какие придётся согласовывать с соседями. Заявку рыбаков перенесли на другой час по их собственному решению. Портовому смотрителю она выдала копию прогноза, без новых обещаний. Прачечнику посоветовала сначала поговорить с коптильщиком и предложила отдельную строку для замечаний о фактических условиях. Тот обрадовался возможности подать жалобу уже после того, как все события произошли, и сказал, что раньше ему такой возможности никто не объяснял.

Ян наблюдал за новым порядком из-за своего стола. Под конец он заявил:

— У нас за полдня стало больше записей, чем обычно за два.

— Потому что раньше вы считали только тех, кто сумел получить нужную погоду.

— Не совсем. Мы считали и отказы. Просто отдельной книгой.

— Тогда завтра сведём обе книги. Иначе никогда не увидим, кому мы мешаем, даже если никому не обещали помогать.

Он протянул ещё одну папку. На ней было написано «Отказные заявления», а сверху лежал лист с непонятной отметкой: «В рассрочку». Вера хотела спросить, как можно получить дождь в рассрочку, но Ян сказал, что это бухгалтерский термин, и в небе он пока не отражается. Она впервые рассмеялась на службе громко и без оглядки на открытую дверь.

После дневных заявок Ян отвёл её в архивную комнату. Там были низкий потолок, длинные полки и такой запах бумаги, словно город хранил её здесь со времени основания.

На верхней полке лежали карты в кожаных цилиндрах. Ян снял один, развернул его на столе и нахмурился.

— Это морские подходы. Карта водосбора должна быть в соседнем тубусе.

Соседний тубус оказался пустым. Внутри лежала записка: «Листы переданы на восстановление после сырости. Обращаться в картографический архив совета». Ни даты возврата, ни имени ответственного не было.

— Как давно? — спросила Вера.

— Не знаю. Я с башнями работаю чуть больше года. Карты мне нужны только для настройки допустимого коридора, а не для подтверждения владения землёй.

— И никто не спрашивал?

— Спрашивали, когда проверяли инвентарь. Ответили, что оригинал цел, просто переплёт плохой.

— Хорошо. Тогда начнём с того, что у нас есть.

Вера перенесла на стол ведомости за два последних сезона и книгу согласований. Ян принёс свежие свечи, подвинул деревянную линейку и уселся напротив. Работа оказалась кропотливой, но знакомой. Вера выписала дату каждого переноса на отдельную карточку, отметила продолжительность, направление и номер соглашения. Она не пыталась сразу искать злоупотребление. Сначала хотела понять, как выглядит обычный месяц.

Одни маршруты использовались дважды за сезон, другие — четыре раза. Для пастбищ стояли новые разрешения с печатями и именами. Для рыбных прудов имелся специальный акт на два года. Напротив Пустого Лога в каждой записи повторялся один и тот же старый номер.

— Может, это постоянное согласие? — предположила Вера.

— Возможно. Я не видел сам документ.

— Но вас учили проверять основания переноса?

— Мне надо проверить техническое разрешение. Оно у маршрута есть. Юридическое подтверждение делает распорядитель, а до вас его делала канцелярия председателя.

— Понятно.

Она не сказала, что ей совсем не понятно. Откуда взялось постоянное согласие, кто его дал и какие земли оно охватывает? Возможно, ответы лежали в другом шкафу. До того как задавать вопросы вслух, она хотела прочитать этот документ собственными глазами.

Ян поставил рядом со свечой очередной медный оттиск. Он принёс его не для спора, а чтобы показать, как сверять фактическое время. Вера применила новый способ к нескольким карточкам. Бумажные записи совпадали с металлом. Значит, дождь действительно отправлялся туда, куда указывали ведомости.

— Это, по крайней мере, не ошибка переписчика, — заметила она.

— Я надеюсь, вы рады.

— Я рада, когда нахожу ошибку. Её можно исправить.

Ян усмехнулся, а потом снова стал серьёзным.

— Я должен уведомить председателя, если вы решите изменить список разрешённых маршрутов.

— Я пока ничего не меняю. И не прошу вас делать то, на что у меня нет права. Мне нужна исходная бумага и карта. Завтра пойдём в советский архив по описи, а не на память.

Она закончила карточки ближе к закрытию конторы. На отдельных листах легли друг за другом два сезона: даты, часы, номера, подписи. Даже хорошая погода имела привычки. Пустой Лог встречался чаще любого другого принимающего участка, особенно накануне крупных торговых дней. Заявки на солнце менялись. Ссылка на основание переноса — нет.

Вера расстелила карточки по столу и пересчитала ещё раз. За два сезона выходило двадцать восемь переводов дождевого фронта в Пустой Лог. У каждого был медный след, на каждом — подпись работавшего смотрителя. У всех двадцати восьми в графе согласия значился один документ шестилетней давности.

Она могла объяснить себе, почему ни один служащий не считал это странным. Бланки привыкли доверять предшествующим бланкам, а люди — красивой погоде над портом.

Но теперь Вере предлагали расписаться последней в этой цепочке. И она ещё ни разу не видела, кто стоял в её начале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.